[Рецензия на:] **Axel I. Palmér.** ***Indo-Slavic Lexical Isoglosses and the Prehistoric Dispersal of Indo-Iranian.*** xv+334 pp. Leiden: Brill, 2025. ISBN: 9789004730533.

А. А. Трофимов

Институт языкознания РАН (Москва, Россия);
artemii.trofimov@gmail.com; ORCID: 0000-0002-8926-2925

Благодарности: Исследование выполнено в рамках проекта FMNE-2025-0008, поддержанного Министерством науки и высшего образования РФ.

Для цитирования: Трофимов А. А. [Рецензия на:] A. Palmér. Indo-Slavic Lexical Isoglosses and the Prehistoric Dispersal of Indo-Iranian. Leiden: Brill, 2025 // Индоиранские языки. 2026. 2 (2). С. 198–219.

DOI: 10.30842/30346800.2026.2.2.7

[Review of:] **Axel I. Palmér.** ***Indo-Slavic Lexical Isoglosses and the Prehistoric Dispersal of Indo-Iranian.*** xv+334 pp. Leiden: Brill, 2025. ISBN: 9789004730533.

Artem A. Trofimov

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);
artemii.trofimov@gmail.com; ORCID: 0000-0002-8926-2925

Acknowledgements: The study was carried out within the framework of the FMNE-2025-0008 project, supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

For citation: Trofimov A. A. [Review of:] A. Palmér. Indo-Slavic Lexical Isoglosses and the Prehistoric Dispersal of Indo-Iranian. Leiden: Brill, 2025. *Indo-Iranian Languages*. 2026. 2 (2). P. 198–219.

DOI: 10.30842/30346800.2026.2.2.7

© А. А. Трофимов, 2026

Монография шведского исследователя Акселя Палмера посвящена изучению места индоиранских языков среди языков индоевропейской семьи, или — поскольку автор принимает индо-хеттскую гипотезу и считает, что второй отделившейся ветвью является тохарская — точнее было бы говорить об определении места индоиранских среди узкоиндоевропейских языков (англ. Core Indo-European) — общности, которая сформировалась после отделения тохарской ветви. Стоит отметить, что на протяжении последних двух столетий предлагались различные варианты внутреннего членения узкоиндоевропейской общности, но относительно ни одной из гипотез нет консенсуса. Общее мнение признает только выделение индоиранских языков. Кроме того, бóльшая часть исследователей предполагает существование балто-славянской общности (однако начиная со времен Бодуэна де Куртенэ и Антуана Мейе высказывались и сомнения). Относительно существования итало-кельтской или греко-армянской общности намного чаще раздаются голоса скептиков. Тем самым гипотезы о наличии более крупных подгрупп, объединяющих отдельные группы индоевропейских языков (например, германскую, кельтскую, италийскую, греческую и т. д.), не стали общепринятыми в научном сообществе (исключение в этом отношении составляют индоиранские языки). Данное обстоятельство делает актуальным обращение автора к проблеме.

Далее будут кратко обрисованы структура рецензируемой работы и выводы автора, а затем будут высказаны критические замечания как об общей концепции работы, так и о частных проблемах.

В первой главе после небольшого рассуждения о значении сравнительно-исторического языкознания формулируется цель монографии — составить корпус индо-ирано-балто-славянских изоглосс и оценить их как свидетельство в пользу существования индо-славянской подгруппы (с. 3). Затем автор переходит к рассмотрению состояния вопроса и выделяет три конкурирующие гипотезы о положении индоиранских языков среди индоевропейских: греко-арийская гипотеза (индоиранские, греческий и армянский составляют подгруппу внутри узкоиндоевропейских языков), гипотеза первоначального отделения (индоиранский язык первым отделился от узкоиндоевропейских языков, англ. «Primary Split») и индо-славянская гипотеза (индоиранские и балто-славянские языки составляют под-

группу) (с. 11). Любопытно отметить, что на диаграмме, отображающей историографию вопроса, работы, рассматривающие ту или иную гипотезу, распределены неравномерно: наибольшее количество опубликовано в 1850–1860-е гг., а возобновление дискуссии происходит уже в последнее время (с. 11). При этом единственной публикацией XX в., посвященной доказательству индо-славянской гипотезы, является монография ученика Г. Хирта — Г. Арнтца [Arntz 1933].

А. Палмер кратко рассматривает сатемизацию и «правило руки» как возможные аргументы при установлении крупных подгрупп в составе индоевропейской семьи и приходит к выводу о том, что данные параметры не могут служить убедительными доводами в пользу определенного членения индоевропейских языков и в том числе не могут рассматриваться как свидетельство в пользу существования индо-славянской подгруппы (с. 11–15). В заключение автор обосновывает необходимость полного рассмотрения всех индо-ирано-балто-славянских лексических изоглосс и формулирует основной вопрос исследования следующим образом: «Доказывают ли лексические изоглоссы, общие для индоиранских и балто-славянских языков, существование индо-славянской подгруппы внутри узкоиндоевропейских языков?» (с. 16)[1].

Отметим, что А. Палмер не описывает уже известную классификацию языков в составе индоиранской и балто-славянской общностей (а также отдельно арийских, иранских, балтийских и славянских языков) и не дает своей хронологической оценки праиндоиранского, прабалтославянского языков и групп в их составе. Кроме того, во всей монографии, насколько можно судить, ни разу не упоминаются дардские и нуристанские языки в связи с проблемой их отношения к иранским, арийским и к реконструируемому с XIX в. праиндоиранскому языку.

К более существенному упущению можно отнести отсутствие упоминания балто-славянской проблемы. В этом отношении автор не отличается от исследователей XIX в., которые оперировали термином «балто-славянский», считая его само собой разумеющимся. Тем не менее в начале XX в. были высказаны сомнения в существовании балто-славянской общности [Meillet 1908; Эндзелин 1911; Бернштейн 1961; Klimas 1967; 1973].

[1] «Do the lexical isoglosses shared by Indo-Iranian and Balto-Slavic support an Indo-Slavic subgroup within Core Indo-European?» (с. 16).

Указание на балто-славянскую проблему в контексте исследования А. Палмера имеет не только историографическую важность. Как можно заметить из дальнейшего изложения, в трех из пяти самых надежных приводимых в разделе 3.2 изоглосс в строке «Slavic» стоит прочерк. Кроме того, наблюдается больше изоглосс, засвидетельствованных одновременно в индоарийских и иранских языках и только в одной из ветвей, составляющей балто-славянскую общность, балтийской или славянской, но не наоборот; автор объясняет данное обстоятельство более поздней фиксацией балтийских и славянских языков и лексическими заменами в них (с. 214–215). Оппоненты существования балто-славянской общности могли бы объяснять этот факт другим образом, а именно отсутствием более тесного родства балтийских и славянских языков, и автору стоило бы рассмотреть и такой сценарий.

Во второй главе А. Палмер рассматривает теорию и методологию. В разделе 2.2 он упоминает А. Шлейхера как первого исследователя, составившего древо индоевропейских языков с такими крупными узлами, как славяно-германский (славянские, балтийские и германские языки) и арио-греко-итало-кельтский с дальнейшим членением на арийский (индоиранский) и греко-итало-кельтский, а также И. Шмидта как автора теории волн. В подразделе 2.2.1 описывается основной для подобных исследований принцип общих инноваций, а также анализируются проблемы, связанные с его применением при невозможности надежно определить предковое (или исходное) состояние «признака»[2] (англ. «the ancestral state of a character») при изучении языковых изменений. В кратком подразделе 2.2.2 обсуждается проблема веса разного рода инноваций (морфологических, фонетических и синтаксических), отмечаются их сильные и уязвимые стороны, а в более обстоятельном подразделе 2.2.3 рассматривается использование лексических инноваций в качестве аргументов при установлении генетической классификации. Автор разделяет лексические «признаки» на два типа — этимоны, т. е. (пра)формы, и семантические концепты — и указывает

[2] Термин заимствован из биологической кладистики; при переводе англ. «character», употребляемого автором в таком значении, он приводится в кавычках.

на проблемы, связанные с оперированием данными единицами при исследовательской работе.

При рассмотрении этимонов проблему составляет сложность идентифицируемости (англ. identifiability), т. е. невозможность в ряде случаев узнать параметры предкового состояния. Так, при отсутствии того или иного этимона в языке бывает невозможно однозначно установить, был ли он утрачен в нем или никогда не существовал. Использование семантических концептов, по мнению автора, возможно только при изучении базисной лексики и также может сталкиваться с проблемой идентифицируемости, так как не всегда удается установить, существовал ли концепт (или выражающее его лексическое средство) в праязыке. В работах, авторы которых оперируют списком Сводеша или подобными списками базовой лексики, такой подход допустим, но при рассмотрении всех наличествующих между языками параллелей он затруднителен. По этой причине А. Палмер прибегает к изучению этимонов, которые он делит на четыре подтипа в зависимости от соотношения с предковым состоянием:

1) корневые изоглоссы (в формах сравниваемых языков общим является только корень, не представленный в предковом состоянии);
2) именные и глагольные дериваты (формы образованы от известного предкового корня одним способом в сравниваемых языках);
3) семантические изоглоссы (лексемы в сравниваемых языках имеют одинаковое значение при отличном значении в других родственных языках и праязыке);
4) заимствования (предполагаются на основании нерегулярных соответствий между сравниваемыми формами или нарушения праиндоевропейской фонотактики).

Далее автор указывает некоторые преимущества лексических схождений при изучении лингвистической филогении: они могут быть заметнее по причине большого количества дискретных единиц — лексем. Лексика «косвенно охватывает деривационную морфологию и может выявлять инновационные словообразовательные модели» (с. 25)[3]. Наконец, она отражает условия жизни носителей, что помо-

[3] «…Indirectly encompasses derivational morphology and might reveal innovative patterns of derivation» (с. 25).

гает устанавливать, где и в какой период был распространен язык при сопоставлении с данными археологии и генетики (с. 25).

Подраздел 2.2.4 посвящен проблеме необходимого для обоснования существования подгруппы количества лексических изоглосс. Автор заключает, что точное их количество установить невозможно. В подразделе 2.2.5 он справедливо отмечает, что по традиции многие исследователи считают праиндоевропейским любой этимон, потомки которого засвидетельствованы в индоиранских языках одновременно с какой-либо другой группой (например, италийской, германской или славянской). Это обстоятельство действительно затрудняет определение положения индоиранских среди индоевропейских языков. Разделы 2.3–2.5 содержат обсуждение предложенных различными исследователями моделей диалектного членения индоевропейских языков и метода лингвистической палеонтологии.

Третья глава является в монографии центральной. В ней автор анализирует корпус индо-славянских изоглосс, сопровождая их комментариями. Для каждой изоглоссы учитываются четыре параметра (с. 46): индо-славянская исключительность (со значениями «да», «нет», «неясно»), надежность этимологии (надежная, сомнительная, отвергаемая этимология), степень надежности общей инновации (правдоподобная, возможная, отвергаемая инновация) и тип рассматриваемых лексических единиц (заимствование, именная или глагольная деривация, корневая или семантическая изоглосса).

За небольшим предисловием (раздел 3.1) следуют подразделы 3.2–3.5, в которых последовательно рассматриваются 5 правдоподобных (plausible) изоглосс, 50 возможных (possible) общих инноваций, 42 сомнительных (uncertain) изоглоссы и 83 отвергнутых (rejected) сопоставления. Пять правдоподобных изоглосс, которые выделяет А. Палмер, включают: **ǵʰos-to-* ‘рука’, **h₂eǵ-* ‘коза’, **h₂eǵ-ino-* ‘кожа (козы)’, **neih₁-* ‘сбивать (масло)’, **som* ‘вместе, с’.

В четвертой главе проведен анализ представленного корпуса. На диаграмме (с. 215) представлена стратификация изоглосс в зависимости от того, в каких группах они встречаются.

Подраздел 4.3.1 посвящен рассмотрению общих заимствований. Согласно автору, только одно заимствование относится к правдоподобным изоглоссам — **h₂eǵ-* ‘коза’. Лексемы **dʰoH-neh₂-* ‘зерна’, **uolo-* ‘конский хвост’ лишь предположительно могут быть заимствованиями.

В разделе 4.4 автор распределяет рассмотренные изоглоссы по семантическим полям, выделяя следующие: земледелие, производство молочных продуктов, скотоводство, части тела, цвета́, магия и религия.

Далее в разделе 4.5 рассматриваются неуникальные индо-славянские изоглоссы, связывающие индоиранские, балтийские и славянские языки также с албанским, армянским, кельтскими, германскими, греческим, италийскими и тохарскими языками (подразделы 4.5.1–4.5.7). В разделе 4.6 А. Палмер оценивает количество и качество выделенных индо-славянских изоглосс. В разделе 4.7 обсуждаются альтернативные гипотезы о положении индоарийских языков среди узкоиндоевропейских. В заключение А. Палмер, хотя и с оговорками, утвердительно отвечает на основной вопрос исследования — он полагает, что индо-славянская подгруппа существовала, а как греко-арийская гипотеза, так и гипотеза о первоначальном отделении индоиранских языков среди узкоиндоевропейских должны быть отвергнуты.

Пятая глава посвящена сопоставлению полученных результатов с данными археологии и генетики.

Как представляется, даже оценка А. Палмером количества правдоподобных общих инноваций сомнительна. Рассмотрим подробно пять этимологий, признанных автором наиболее показательными.

- ****ǵʰos-to-*** ‘рука’ (подраздел 3.2.1)

Первое, что следует отметить — рефлексы данной формы являются основными обозначениями ‘руки’ (англ. «hand») в индоарийских и иранских языках, а в литовском слово *žãstas* в основном обозначает ‘brachium’ (англ. «arm»), на такую семантику указывает и производное лит. *pažastìs* ‘подмышка’. Данное обстоятельство указывает на то, что основа **ǵʰos-to-* в предке литовского языка могла использоваться для указания на верхнюю часть руки (при этом существовало и обозначение руки в значении англ. «hand»), а затем уже в балтийских и славянских языках утратилось противопоставление manus ~ brachium и стало использоваться единое слово для обозначения руки. Это свидетельствует о том, что в индоиранских и балтийских языках потомки **ǵʰos-to-* могли соответствовать различным семантическим концептам, что ослабляет приводимую изоглоссу.

С другой стороны, опираясь на редкое значение лит. *žãstas* ‘кисть’, можно представить и противоположный сценарий: в балтийских язы-

ках рефлекс **ǵʰos-to-* имел значение ‘рука’ (англ. «hand»), а затем в результате лексического сдвига стал обозначать верхнюю часть руки.

Существует и еще одна трактовка. Возможно, что основа **ǵʰos-to-* значила ‘кисть’, ‘ладонь’ или ‘горсть’ в праязыке (как минимум узкоиндоевропейском). При перестройке системы обозначений руки эта основа закрепилась в качестве основного обозначения руки (англ. «hand») в индоиранских языках (обозначением верхней части руки при этом стали др.-инд. *bāhú-*, авест. *bāzu-* ‘верхняя часть руки, brachium’), а в славянских и балтийских языках осталась на периферии.

Однако самое главное препятствие для признания индо-славянской изоглоссы **ǵʰos-to-* ‘рука’ состоит в том, что ее когнатом может быть др.-греч. ἀγοστός ‘ладонь; верхняя часть руки’. Безусловно, в древнегреческой форме ἀγοστός наблюдается незакономерный гуттуральный (ср. др.-греч. χείρ f. ‘рука’ < **ǵʰes-r*) и неясен начальный элемент ἀ-, но близость семантики с лит. *žãstas* ‘верхняя часть руки, brachium; *диал.* кисть; *техн.* плечо’ позволяет предположить, что **ǵʰos-to-* со сходным значением существовало в прагреческом языке, но затем подверглось нерегулярным фонетическим изменениям, возможно, под влиянием глагола ἀγείρω ‘собирать’ [Hamp 1981].

Предложенные выше рассуждения показывают, что сравнение слов со значением ‘рука’ в индоиранских и ‘brachium’/‘кисть’ в литовском не позволяют легко установить изоглоссу **ǵʰos-to-* ‘hand’, предлагаемую А. Палмером. Требуется более подробная формальная и семантическая реконструкция всех концептов, обозначающих руку и ее части, в праиндоевропейском и исследуемых языках. В славянских языках, вопреки мнению А. Палмера, который считает праслав. **gôstь* m. ‘гость’[4] германским заимствованием, поскольку праслав. **g-* не может отражать и.-е. **ǵʰ-* (с. 47), **ǵʰos-t-* дало бы именно **gost-*, а не **źost-*, по правилу А. Мейе [1951: 24–25], ср. рус. *гусь* ~ лит. *žąsìs*.

- ****h₂eǵ-*** ‘коза’ (подраздел 3.2.2)

Исходя из существования авестийского прилагательного *izaēna-* ‘кожаный’ и других родственных слов в иранских языках, вариант корня **h₂eǵ-* действительно заменил в них первоначальный **h₂eiǵ-*.

[4] Обсуждение данной основы возникает в связи с интересной, но достаточно спекулятивной этимологией С. Нери [Neri 2013], согласно которой лат. *hostis* m. ‘враг; чужеземец’ восходит к **ǵʰos-ti-* ‘тот, кто находится в руке (т. е. под защитой)’.

Тем не менее в том случае, если речь идет, как предполагает А. Палмер, о повторном заимствовании, не могло ли это слово заимствоваться независимо в отдельные группы, с учетом простой фонетической структуры основы? Данное подозрение подкрепляется тем, что это единственное слово из списка в несколько десятков, являющееся предполагаемым заимствованием из неизвестного источника.

Если даже *$*h_2eǵ$*- ‘коза’ не является заимствованием, не могло ли оно появиться в результате ассоциации с корнем *$*h_2eǵ$*- ‘гнать’, а не быть образованным непосредственно от него, как иногда считалось? [EWA, I: 51].

Тем не менее формально изоглосса должна быть признана.

- ***$h_2eǵ$-ino-** ‘кожа (козы)’ (подраздел 3.2.3)

Производное *$h_2eǵ$-*ino*- формально также является приемлемой изоглоссой. Стоит только указать на тот факт, что суффикс вида *-*ьn* отмечен в праслав. **govьno* ‘экскременты’, что свидетельствует о его распространении в славянских дериватах от обозначений животных.

- ***neih$_1$-** ‘взбивать (масло)’ (подраздел 3.2.4)

Четвертый пример представляется наименее убедительным. Из широкого списка балто-славянских языков представлены только латышские соответствия, причем речь идет о достаточно редком глаголе не в основном значении и производных данного глагола. Форма *panīnas* ‘пахта’ взята, по всей видимости, из словаря К. Мюленбаха и Я. Эндзелина [ME, III: 77]. В современном литературном латышском обычно употребляется форма *panīņas*.

Создается впечатление, что латышский глагол в таком значении и его производные — собственно латышская инновация относительно недавнего времени. На это в особенности указывает тот факт, что перевод ‘взбивать (масло)’, в частности, в уже процитированном словаре приводится не для глагола *nīt*, который сам по себе переводится ‘производить круговые движения’ (‘eine kreisende Bewegung machen’), а для словосочетания *sviestu nīt* ‘взбивать масло’, буквально ‘крутить масло’ [ME, II: 748].

Более того, Г. Кронен в недавно опубликованной статье предложил реконструировать прагерманскую основу *$*nīþla/ō(n)$*- на основании сравнения эльзасск. нем. *Nidle* m.(/f.), швейц. нем. *Nidel* m.(/f.) ‘(взби-

тые) сливки, слой сливок на сыром молоке’, зенслердойч *Nydla* f. ‘то же’, валлисск. *Niidla* f. ‘сливки’ [Kroonen 2026: 399–400]. Исследователь также приводит ладинские формы, которые могут восходить к прероманскому кельтскому **nīta-* с тем же значением [Ibid.: 399].

Поскольку этимология швейцарских и ладинских форм кажется достаточно убедительной, есть все основания считать данный пример нерелевантным — производные со значением ‘масло’, ‘сливки’ и под. от корня **neih₁-* встречаются в отдельных индоарийских, иранских, латышском и в некоторых германских; с большой долей вероятности они встречались в кельтских языках. Это исключает предположение об индо-славянской изоглоссе.

Ввиду всех высказанных соображений данная общая инновация должна быть отклонена.

- ****som*** ‘вместе, с’ (подраздел 3.2.5)

В индоиранских и балто-славянских языках действительно употребляются родственные друг другу приставки со значением ‘вместе, с’, но вопрос вызывает вес этой параллели.

Во-первых, и это признает сам А. Палмер, индийские и иранские формы могут вообще теоретически восходить к **sem-*. Реконструкцию **som-* в индоиранских автор обосновывает только семантическим и функциональным сходством с формами в балтийских и славянских языках.

Тем не менее любопытно было бы указать не только на эту параллель, но и на некоторые конкретные приставочные реализации, устроенные сходным образом в индоиранских, балтийских и славянских языках. А. Палмер отмечает только параллель др.-инд. *samdhā́-* ‘соглашение, обещание’ ~ лит. *samdà* f., *saũdas* m. ‘аренда, наем, наемные работники, слуги, семья’ ~ праслав. **sǫdъ* ‘суд, судебное разбирательство, судебный приговор’ в дальнейшем изложении (с. 104–105). Можно отметить, помимо этого, такие структурно близкие параллели, как рус. *супротив* ~ др.-инд. *saṃpratí-* ‘находящийся прямо напротив; прямой, точный и т. д.’, рус. *сосед*/*сусед*, праслав. **sъsědъ*/**sǫsědъ* ~ др.-инд. *saṃsád-*(*-d-*) f. ‘собрание, общество, двор князя, судилище’, *saṃsāda-* m. ‘общество, компания’ [ЭСРЯ, III: 726].

Также можно отметить, что соответствия приставок наблюдаются и между другими парами или группами индоевропейских языков.

Например, лат. **kom-* этимологически соответствует прагерм. **ga-* в качестве приставки, ср. лат. *commūnis*, *-e* ‘общий’ ~ готск. *gamains* ‘общий’. Др.-инд. *su-* соответствует др.-греч. εὐ, ср. др.-инд. *su-mánas-* ‘благосклонный’ ~ др.-греч. εὐ-μενής ‘благосклонный, милостивый, доброжелательный’.

Представляется, что сходное устройство образований такого рода указывает скорее на их ареальный характер. Высказанные соображения заставляют усомниться и в пятой изоглоссе.

Подведем итоги: две изоглоссы, отнесенные к правдоподобным, стоит отвести, одна сомнительна, а две оставшиеся, которые могут считаться общими инновациями, образованы от одного корня. Представляется маловероятным, что такое количество надежных изоглосс может указывать на существование индо-славянской общности.

Корпус менее надежных соответствий между индоиранскими и балто-славянскими языками достаточно внушителен (50 соответствий). Тем не менее, как справедливо указывает сам А. Палмер, невозможность в каждом случае установить инновационный характер сближений обесценивает количество анализируемых соответствий (они могут быть по большей части архаизмами или случаями параллельного развития и в таком случае ничего не доказывают). Соответственно, нет достаточных оснований на том материале, который приводит автор, говорить об индо-славянской подгруппе.

Чем же обусловлен тот факт, что автор, книга которого в целом является серьезным качественным исследованием, отвечает на поставленный в начале основной вопрос так неубедительно?

Представляется, что проблема заключается в общем методологическом кризисе. Тот факт, что для прояснения членения языковой семьи нужно исследовать общие инновации, стал ясен в XIX в. Однако с тех пор не было выработано единого алгоритма оценки имеющихся изоглосс и не было установлено, какое их количество и какие качественные параметры необходимы, чтобы со всей уверенностью утверждать, что языки, между которыми наблюдаются схождения, были признаны восходящими к той или иной подгруппе. Не пытается разработать новую процедуру или значительно обновить старую и А. Палмер. Кроме того, еще сильнее трактовка полученных им результатов страдает от того, что он не тестирует всерьез альтернативные гипотезы (скажем, было бы интересно понять, сколько

германо-балто-славянских изоглосс он отнес бы при детальном рассмотрении к правдоподобным). Вместо этого в разделе 4.7 он рассуждает о греко-арийской и других альтернативных гипотезах в следующем духе: индо-славянские основы *$ǵ^{h}os$-to- ‘рука’ и *$h_2eǵ$- ‘коза’ не имеют параллелей в греческом и армянском (в последних наблюдаются соответствующие архаизмы *$ǵ^{h}es$-r- ‘рука’ и *$h_2eiǵ$- ‘коза’), поэтому греко-арийская гипотеза в ее сильном виде несостоятельна (с. 234). Как кажется, в данном случае речь идет о циркулярной логике: если обращать внимание только на выделенные изоглоссы, их нельзя будет обнаружить в других группах (именно по этой причине они были признаны изоглоссами в том числе А. Палмером). Независимым тестом было бы сравнение предполагаемых изоглосс с другими установленными греко-арийскими или германо-балто-славянскими изоглоссами на предмет их количества и весомости. В этом смысле раздел 4.7 наименее убедителен в рецензируемой монографии.

Последовательно использовать лексические изоглоссы для определения степени родства языков исследователи начали несколько позже изоглосс фонетических и морфологических. При этом появились такие работы в этой области, как [Porzig 1954; Порциг 1964], в которой были перечислены по существу основные лексические параллели, в том числе инновационного характера, между многими группами индоевропейских языков. В отношении установления самих изоглосс эта работа по большей части не устарела и является образцом подобных исследований (безусловно, В. Порциг называет в каждом случае только наиболее характерные лексические изоглоссы). При этом автор не приходит к каким-либо однозначным позитивным результатам в отношении деления праиндоевропейского на подгруппы. Он рассуждает только о диалектных группах, которые могут быть установлены при использовании таких методов исследования. К отрицательному результату относительно существования греко-армянской языковой общности приходит и Дж. Клэксон, который в своем образцовом исследовании проанализировал греко-армянские изоглоссы [Clackson 1994: 199–202]. Действительно, при ближайшем рассмотрении те изоглоссы, которые установлены исследователями, чаще всего не являются настолько многочисленными и яркими, чтобы на их основании можно было вести речь о выделении подгрупп на интуитивном уровне. Исключением являются балто-славянские языки, которые без

дополнительных аргументов считались исследователями подгруппой на протяжении всего XIX в.

С. А. Старостин [2007] обоснованно утверждал, что невозможно доказать отсутствие родства языков между собой. Он, безусловно, прав в своих теоретических рассуждениях, поскольку два языка могут разойтись в ходе своего исторического развития настолько, что исследователю не удастся найти и однозначно проинтерпретировать родственные элементы. В связи с этим встает вопрос: можно ли верифицировать предположения о членении уже установленных языковых семей на крупные подгруппы и доказать отсутствие более тесного родства между ними в составе предполагаемой подгруппы?

Поскольку вопрос о наличии той или иной более крупной подгруппы есть одновременно вопрос о еще одном узле на древе индоевропейских (или других) языков, полным ответом на него может быть попытка реконструкции этого узла, проведенная по правилам сравнительно-исторического языкознания. Если на пути того, кто попробует провести эту реконструкцию последовательно, возникают неустранимые препятствия или достоверная часть реконструкции полностью совпадет с праиндоевропейской (или другой), необходимо признать нецелесообразность выделения подгруппы. В отличие от двух произвольно взятых языков для языков некоторых групп известны в той или иной степени два состояния, например для группы славянских языков известны праиндоевропейское и праславянское состояния. Тем самым при реконструкции промежуточного состояния есть возможность оценить, отвечает ли реконструкция подобного узла непротиворечиво более древнему и более новому этапу развития, которые уже были реконструированы.

Здесь можно отметить, что все праформы, которые приводятся А. Палмером, не отличаются от (поздне-)праиндоевропейских, что не является свидетельством в пользу праиндославянского. Кроме того, при последовательной реконструкции праиндославянского необходимо будет получить непротиворечивую праформу в таких случаях, как, например, др.-инд. *hŕ̥d-* ~ авест. *zərəd-* ~ лит. *širdìs* ~ праслав. **sьrdьce* ‘сердце’ (звонкие придыхательные гуттуральные в языке-предке индоиранских против глухих в балтийских и славянских).

Представляется, что в действительности узкоиндоевропейские языки могли сразу разделиться на известные подгруппы, а затем в за-

висимости от миграций взаимодействовали сначала с одними, а потом с другими родственными языками. Например, носители славянских и балтийских языков сначала могли переселяться вместе с носителями индоиранских, поэтому появился пласт индо-славянских изоглосс, а затем балты и славяне сменили направление и переместились западнее, в связи с чем можно установить ряд изоглосс с «западными» языками (германскими, италийскими, кельтскими). Индоиранские же языки могли в тот или иной период своей истории вступить в контакт с греческим и армянским, что объясняет наличие греко-армяно-арийских изоглосс. Если распад индоевропейцев сразу на десяток групп может показаться неправдоподобным, стоит указать на возможность одной значительной миграции сразу большого числа племен на значительной территории с последующим разделением на группы (можно рассуждать, как этот процесс соотносится с одомашниванием лошади и изобретением колеса, в любом случае такие изобретения значительно ускорили бы процесс расселения).

Что касается археологических и генетических соображений, проблема привлечения таких данных заключается в том, что соответствие наших сопоставлений реальной картине оказывается приблизительным. Например, носители фатьяновской культуры действительно были с большой вероятностью индоевропейцами, но невозможно установить точно, на какой конкретно стадии языкового развития. В конце концов, огромный размер ареала этой археологической культуры позволяет расположить на ее территории предположительно десятки языков нескольких языковых групп. Кроме того, соотнесение хронологии археологических культур с хронологией языковых групп было бы более убедительным, если бы существовала процедура точного абсолютного датирования праязыков. Рассуждения же в духе «древнейшие тексты на индоиранских языках можно датировать 1500 г. до н. э.» и «так как они так лингвистически сходны, распад индоиранской общности не мог произойти задолго до этого времени» (с. 245)[5] представляют собой не научную датировку, а лишь предположительную оценку. Может быть, распад произошел за 500 лет (как

[5] «The dating of the earliest Old Indo-Iranian texts implies a *terminus ante quem* for Proto-Indo-Iranian around 1500bce at the latest. Since the Rigvedic and Gāthic Avestan texts are so similar linguistically, the split cannot have been too long before this date» (c. 245).

предполагает А. Палмер), но что мешало ему произойти за 800 или 1000 лет до появления текста Ригведы и митаннийского арийского? В связи с этим данные, содержащиеся в пятой главе, интересны, и автор делает ряд свежих наблюдений. Однако соотнесение археологических культур с индо-славянской общностью можно обсуждать только после строгого доказательства ее существования.

В заключение приведем краткие комментарии к отдельным этимологиям из разделов 3.2 и 3.3.

- ****bʰrodʰ-no-*** ‘(бледная) масть лошади’ (подраздел 3.3.2)

Сопоставление праслав. **bronъ* ‘светлый, белый и т. д.’ с др.-инд. *bradhná-* ‘красноватый, желтый’ было предложено еще в XIX в. Тем не менее даже при принятии данной этимологии представляется маловероятным, что указание на масть присутствовало уже на праязыковом уровне. Согласно мнению А. Е. Аникина, «ввиду *броне́ть*° II—III, *брене́ть*° II—III, *брыне́ть*° II и др. можно предположить различные варианты и.-е. цветообозначения **bher-*, а именно, **bhro-no-* (праслав. **bronъ*) наряду с **bhren-*, **bhroun-*, **bhrūn-* и корневое родство с ср.-в.-нем. *brūn*, др.-в.-нем. *brūn*, нем. *braun* ‘коричневый’ (герм. **brūna-* < и.-е. **bhrū-no-*)» [РЭС, 4: 245].

- ****dʰeh₁i-nu-*** ‘самка млекопитающего’ (подраздел 3.3.4)

А. Палмер реконструирует семантику ‘самка’, очевидно, опираясь на индоиранские данные. В то же время в балтийских языках засвидетельствовано значение ‘беременная’, которое может дополнительно доказываться существованием прибалтийско-финского **tijneš*, ср. фин. *tiine*, ю.-эст. *tiinõh* ‘беременная (о животных)’ [Holopainen 2019: 276–277]. Напротив, значению ‘самка’ лучше соответствует семантика лат. *fēmina* ‘самка; женщина’, производного от того же корня с другим суффиксом.

- ****dʰoH-neh₂-*** ‘зерна’ (подраздел 3.3.6)

Стоит указать, что др.-инд. *dhānā́-* f. ‘жареные зерна’ употребляется в словосочетаниях с глаголом *bhrajj-*, родственным лат. *frīgō*, *-ere* и др.-греч. φρύγω [ῡ] ‘обжаривать’ (с нерегулярными фонетическими соответствиями), причем и в латыни, и в греческом соответствующие глаголы употребляются применительно к зернам ячменя или к бобовым.

- ***d^{h}or-eie/o-*** ‘держать, поддерживать’ (подраздел 3.3.7)

Семантическое развитие ‘поддерживать’ > ‘делать’ представляется, как признает и сам А. Палмер, маловероятным, поэтому сравнение лит. *darýti* с др.-инд. *dhārāyati* ‘держит, поддерживает’ следует отклонить.

- ***g^{w}oih$_{3}$-o-*** ‘жизнь’ (подраздел 3.3.14)

Реконструкция значения ‘жизнь’, по существу, обоснована основным прямым значением производящего глагольного корня в праязыке и данными иранских языков. В индоарийских и славянских языках значение данной основы другое, ср. др.-инд. *gáya-* m. ‘дом, хозяйство, семья, владение’ и др.-рус. *гои* ‘мир, дружба’, др.-чешск. *hoj* ‘изобилие’. Соответственно, можно предположить независимое образование достаточно тривиального производного во всех рассматриваемых группах.

- ***h$_{1}$uk-ie/o-*** ‘быть привычным, привыкать’ (подраздел 3.3.20)

Вслед за [LIV: 244] неточно записана древнерусская форма. Др.-рус. *вуче* представляет собой форму 2–3 л. ед. ч. аориста, а не основу и не инфинитив, поэтому инфинитив в переводе на немецкий и английский языки (соответственно ‘lernen’ и ‘to learn’) не совсем удовлетворителен.

- ***ḱeuH-*** ‘бросать, толкать, стрелять’ (подраздел 3.3.23)

Сопоставление авест. *spaiieiti* ‘бросает’, *spāta-* ‘брошенный’ с лит. *šáuti*, *-na* ‘стрелять, (диал.) ударять, швырять, толкать, пихать’ и рус. *сунуть*, *совать* и другими родственными формами является одной из важнейших этимологических находок работы. На данный момент эта этимология авестийского слова кажется наиболее обоснованной.

- ***kseud-*** ‘уменьшать; распылять’ (подраздел 3.3.31)

Судя по семантическому распределению значений, ст.-слав. *хоудъ*, рус. *худой* и другие когнаты скорее указывают на первоначальную семантику ‘злой’ или ‘плохой’, что делает сомнительным принимаемое и А. Палмером традиционное сравнение с др.-инд. *kṣudrá-* ‘мелкий, крошечный’ < *kṣud-* ‘толочь, топтать, дробить’.

- ***k^{w}er-*** ‘колдовать’ (подраздел 3.3.32)

Следует отметить, что семантической параллелью для развития ‘делать’ > ‘колдовать’ может служить не только др.-греч. πρᾶξις f.

‘дело, действие; магическое действие, чары’. В русских диалектах глагол *делать* часто имеет значение ‘колдовать’ [ССГ, 3: 114–115]. Как показывает латинское выражение *rem diuinam facere* ‘совершать священнодействие’ и значение ‘жертвовать’, отмечаемое для глагола *facere* [OLD: 669], в таких случаях значение ‘колдовать’, ‘творить чары’ могло развиваться через промежуточные ступени.

- ***pelH-ou-** ‘полова, мякина’ (подраздел 3.3.41)

Г. Кронен на основании привлечения швейц. нем. *Felb* f. ‘мякина’, зенслердойч *Fälbe* f. pl. ‘мякина, отходы обмолота (используемые как корм для скота)’, валлисск. *Fälwe* f. pl. ‘мякина, шелуха, колосковые чешуйки’ реконструирует прагерм. **fel*(*e*/*a*)*wō*- и возводит к рассматриваемой праформе **pelH-ou*- [Kroonen 2026: 399]. Данное обстоятельство доказывает, что рассматриваемая индо-славянская изоглосса не является уникальной.

- ***uolo-** ‘конский волос’ (подраздел 3.3.50)

Гипотеза А. Палмера о субстратном происхождении этого слова выглядит спорной. Маловероятно, что индо-славяне как индоевропейская группа, знакомая с одомашненной лошадью и предположительно распространившая коневодство в различные регионы, заимствовали обозначение конского волоса или хвоста из какого-либо другого языка. Более правдоподобным представляется предположение о родстве основ **uolo*- ‘конский волос’ и **uolḱ-o*- ‘волос’ (см. подраздел 3.3.49), хотя такая этимология, разумеется, не является единственно возможной.

- ***kenH-** ‘копать’ (подраздел 3.4.22)

Следовало бы, как представляется, указать на тот факт, что напрямую сравнивать др.-инд. *khaní*- ‘роющий; шахта’ и лит. *kìnis* m. ‘логовище, логово’ с формальной точки зрения проблематично, потому что лит. *kìnis* должно продолжать праформу **kn̥H-is* с нулевой ступенью, а в древнеиндийском можно реконструировать полную ступень. В древнеиндийском языке также засвидетельствованы формы *khāni*- и *khānī*- с рефлексами в более поздних индоарийских языках [CDIAL: 204].

- ***nis-tio-** ‘(находящийся) снаружи’ (подраздел 3.4.29)

А. Палмер представляет семантическое обоснование обсуждаемой этимологии для праславянской основы **ništь* следующим образом:

‘находящийся снаружи’ > ‘находящийся вне общества и поэтому обездоленный’ (с. 141)[6]. Он, безусловно, исходит из семантики древнеиндийской основы *níṣṭya-* ‘внешний, зарубежный, странный’. Однако предложенная мотивация выглядит излишне усложненной и спекулятивной. Кроме того, сам переход в праславянском языке в основе **ništь* от значения ‘чужак, изгой’ к ‘нищий, бедный’ сомнителен. Представляется более простым решением исходить из значения ‘без’, также засвидетельствованного для др.-инд. *nis-*. В таком случае формально одинаково устроенные индоиранские и славянские основы могли иметь несколько разную мотивацию, что объясняет разницу в их значении.

Если говорить об общей оценке работы, она оставляет неоднозначное впечатление. С одной стороны, это качественное и профессиональное исследование. В нем содержится ряд заслуживающих внимания наблюдений и ценных новых этимологических решений. А. Палмер собрал внушительный свод индо-славянских изоглосс и в целом достаточно убедительно его интерпретировал, поэтому дальнейшие исследователи диалектного членения праиндоевропейского должны будут учитывать эту работу.

С другой стороны, не все этимологические решения автора представляются верными, а его суждения относительно весомости установленных изоглосс кажутся слишком оптимистичными. Наиболее критичен тот факт, что методология, которая разработана на данный момент, не позволяет делать убедительные обобщения на имеющемся материале, а перечень изоглосс, которые можно считать правдоподобными, чрезвычайно краток (из пяти предложенных автором остается в лучшем случае две или три). Соответственно, с моей точки зрения, монография А. Палмера не доказывает существование индо-славянской общности, а тому исследователю, который желал бы вопреки таким данным обосновать индо-славянскую подгруппу, следовало бы предоставить по крайней мере частичную непротиворечивую индо-славянскую реконструкцию. В то же время я скептически смотрю на существование как индо-славянской подгруппы, так и любых других крупных подгрупп в составе узкоиндоевропейских языков (за исключением индоиранской). Наличие пересекающихся иннова-

[6] «‘being outside’ > ‘being outside the community and therefore destitute’ > ‘poor, destitute’» (с. 141).

ций между многими из них, на мой взгляд, указывает скорее на существование различных диалектных ареалов, образовавшихся после распада позднеиндоевропейского праязыка и менявшихся в пространстве и времени в связи с миграциями отдельных индоевропейских народов.

Список условных сокращений

авест. — авестийский; англ. — английский; валлисск. — валлисский диалект немецкого языка; готск. — готский; греч. — древнегреческий; др.-в.-нем. — древневерхненемецкий; др.-инд. — древнеиндийский; др.-рус. — древнерусский; др.-чешск. — древнечешский; и.-е. — индоевропейский; лат. — латинский; лит. — литовский; нем. — немецкий; прагерм. — прагерманский; праслав. — праславянский; рус. — русский; ср.-в.-нем. — средневерхненемецкий; ст.-слав. — старославянский; фин. — финский; швейц. (швейц. нем.) — швейцарский немецкий диалект; эльзасск. нем. — эльзасский немецкий диалект; ю.-эст. — южноэстонский.

f. — женский род; m. — мужской род; n. — средний род; pl. — множественное число.

Литература

Бернштейн 1961 — С. Б. Бернштейн. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М.: Издательство АН СССР, 1961.

Мейе 1951 — А. Мейе. Общеславянский язык. М.: Издательство иностранной литературы, 1951.

Порциг 1964 — В. Порциг. Членение индоевропейской языковой области. Л. Ю. Брауде, В. М. Павлов (пер. с нем.), А. В. Десницкая (ред.). М.: Прогресс, 1964.

РЭС, 4 — А. Е. Аникин. Русский этимологический словарь. Вып. 4: *боле — бтарь*. М.: Знак, 2011.

ССГ, 3 — А. И. Иванова. Словарь смоленских говоров. Вып. 3: *Г — Д*. Смоленск: Смоленский государственный педагогический институт им. Карла Маркса, 1982.

Старостин 2007 — С. А. Старостин. О доказательстве языкового родства // С. А. Старостин. Труды по языкознанию. М.: Языки славянских культур, 2007. С. 779–793.

Эндзелин 1911 — Я. Эндзелин. Славяно-балтийские этюды. Харьков: Типография и литография М. Зильберберг и сыновья, 1911.

ЭСРЯ, III — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. III: *Муза — Сят*. 2-е изд. Пер. с нем. и дополнения О. Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1987.

Arntz 1933 — H. Arntz. Sprachliche Beziehungen zwischen Arisch und Baltoslawisch. Heidelberg: Carl Winters Universitätsbuchhandlung, 1933.
CDIAL — R. L. Turner. A comparative dictionary of the Indo-Aryan languages. London: Oxford University Press, 1966.
Clackson 1994 — J. Clackson. The linguistic relationship between Armenian and Greek. Oxford: Blackwell, 1994.
EWA, I — M. Mayrhofer. Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen. I. Bd. Heidelberg: Carl Winter, 1992.
Hamp 1981 — E. P. Hamp. Ἀγοστός, ἀγείρω // Živa antika. 1981. Vol. 31. P. 83–84.
Holopainen 2019 — S. Holopainen. Indo-Iranian borrowings in Uralic: Critical overview of sound substitutions and distribution criterion. PhD dissertation. Helsinki: University of Helsinki, 2019.
Klimas 1967 — A. Klimas. Balto-Slavic, or Baltic and Slavic? (The relationship of Baltic and Slavic languages) // Lituanus. 1967. Vol. 14. No. 2. P. 5–37.
Klimas 1973 — A. Klimas. Baltic and Slavic revisited // Lituanus. 1973. Vol. 19. No. 1. P. 7–26.
Kroonen 2026 — G. Kroonen. Three allemanic etymologies: Swiss German *Cheib* ‘cadaver’, *Felb* ‘chaff’ and *Nidel* ‘cream’ // Amsterdamer Beiträge zur älteren Germanistik. 2026. Vol. 85. No. 4. P. 397–402. DOI: 10.1163/18756719-12340376.
LIV — M. Kümmel, H. Rix (Hrsg.). Lexikon der indogermanischen Verben. 2. Auflage. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert, 2001.
Neri 2013 — S. Neri. Zum urindogermanischen Wort für ‚Hand‘ // A. Cooper, J. Rau, M. Weiss (eds.). Multi Nominis Grammaticus: Studies in Classical and Indo-European linguistics in honor of Alan J. Nussbaum on the occasion of his sixty-fifth birthday. Ann Arbor: Beech Stave Press, 2013. P. 185–205.
ME — K. Mühlenbach, J. Endzelin (eds.). Lettisch-deutsches Wörterbuch. I–IV. Riga: Herausgegeben von lettischen Bildungsministerium, 1923–1925.
Meillet 1908 — A. Meillet. Les dialectes indo-européens. Paris: Champion, 1908.
OLD — P. G. W. Glare (ed.). Oxford Latin Dictionary. Oxford: Oxford University Press, 1982.
Porzig 1954 — W. Porzig. *Die Gliederung des indogermanischen Sprachgebiets*. Heidelberg: Carl Winter, 1954.

References

Arntz 1933 — H. Arntz. *Sprachliche Beziehungen zwischen Arisch und Baltoslawisch*. Heidelberg: Carl Winters Universitätsbuchhandlung, 1933.
Bernstein 1961 — S. B. Bernstein. *Ocherk sravnitelnoy grammatiki slavyanskikh yazykov* [A comparative grammar outline of the Slavic languages]. Moscow: Press of the Academy of Sciences of the USSR, 1961.

CDIAL — R. L. Turner. *A comparative dictionary of the Indo-Aryan languages*. London: Oxford University Press, 1966.

Clackson 1994 — J. Clackson. *The linguistic relationship between Armenian and Greek*. Oxford: Blackwell, 1994.

Endzelīns 1911 — J. Endzelīns. *Slavyano-baltiyskiye etyudy* [Slavic-Baltic studies]. Kharkov: M. Silberberg & Sons, Printing House and Lithography, 1911.

ESRYa, III — M. Vasmer. *Etimologicheskiy slovar russkogo yazyka* [Russian etymological dictionary]. Vol. III: *Muza — Syat*. 2nd edn. Transl. from German and additions by O. N. Trubachev. Moscow: Progress, 1986–1987.

EWA, I — M. Mayrhofer. *Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen*. I. Bd. Heidelberg: Carl Winter, 1992.

Hamp 1981 — E. P. Hamp. Ἀγοστός, ἀγείρω. *Živa antika*. 1981. Vol. 31. P. 83–84.

Holopainen 2019 — S. Holopainen. *Indo-Iranian borrowings in Uralic: Critical overview of sound substitutions and distribution criterion*. PhD dissertation. Helsinki: University of Helsinki, 2019.

Klimas 1967 — A. Klimas. Balto-Slavic, or Baltic and Slavic? (The relationship of Baltic and Slavic languages). *Lituanus*. 1967. Vol. 14. No. 2. P. 5–37.

Klimas 1973 — A. Klimas. Baltic and Slavic revisited. *Lituanus*. 1973. Vol. 19. No. 1. P. 7–26.

Kroonen 2026 — G. Kroonen. Three allemanic etymologies: Swiss German *Cheib* ‘cadaver’, *Felb* ‘chaff’ and *Nidel* ‘cream’. *Amsterdamer Beiträge zur älteren Germanistik*. 2026. Vol. 85. No. 4. P. 397–402. DOI: 10.1163/18756719-12340376.

LIV — M. Kümmel, H. Rix (Hrsg.). *Lexikon der indogermanischen Verben*. 2. Auflage. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert, 2001.

ME — K. Mühlenbach, J. Endzelin (ed.). *Lettisch-deutsches Wörterbuch*. I–IV. Riga: Herausgegeben von lettischen Bildungsministerium, 1923–1925.

Meillet 1908 — A. Meillet. *Les dialectes indo-européens*. Paris: Champion, 1908.

Meillet 1951 — A. Meillet. Obshcheslavyanskiy yazyk [Common Slavic]. Moscow: Izdatelstvo inostrannoy literatury, 1951.

Neri 2013 — S. Neri. Zum urindogermanischen Wort für ‚Hand‘. A. Cooper, J. Rau, M. Weiss (eds.). *Multi Nominis Grammaticus: Studies in Classical and Indo-European linguistics in honor of Alan J. Nussbaum on the occasion of his sixty-fifth birthday*. Ann Arbor: Beech Stave Press, 2013. P. 185–205.

OLD — P. G. W. Glare (ed.). *Oxford Latin Dictionary*. Oxford: Oxford University Press, 1982.

Porzig 1954 — W. Porzig. *Die Gliederung des indogermanischen Sprachgebiets*. Heidelberg: Carl Winter, 1954.

Porzig 1964 — W. Porzig. *Chleneniye indoyevropeyskoy yazykovoy oblasti* [The structure of the Indo-European language area]. L. Yu. Braude, V. M. Pavlov (transl. from German), A. V. Desnitskaya (ed.). Moscow: Progress, 1964.

RES, 4 — A. E. Anikin. *Russkiy etimologicheskiy slovar* [Russian etymological dictionary]. Iss. 4: *bole — btar*. Moscow: Znak, 2011.

SSG, 3 — A. I. Ivanova. *Slovar smolenskikh govorov* [Dictionary of Smolensk dialects]. Iss. 3: *G — D*. Smolensk: Karl Marx Smolensk State Pedagogical Institute, 1982.

Starostin 2007 — S. A. Starostin. O dokazatelstve yazykovogo rodstva [On the proof of linguistic relationship]. S. A. Starostin. *Trudy po yazykoznaniyu* [Studies in linguistics]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur, 2007. P. 779–793.

Получено/received 05.08.2026 *Принято/accepted 14.08.2026*